

Анотація

Бехруз Х. Методологічні розробки А. В. Сурілова та проблема вдосконалення методології юридичної науки. — Стаття.

У статті досліджується спадщина відомого теоретика права Олексія Васильовича Сурілова. Особливу увагу приділено значенню його методологічних розробок для вдосконалення методології юридичної науки, відображених в працях ученого, опублікованих ще в радянський період, які вплинули на розвиток пострадянської теоретичної юриспруденції.

Ключові слова: О. В. Сурілов, методологія юридичної науки, удосконалення методології, методи, методологічні принципи, розвиток юридичної науки.

Summary

Bekhruz H. Methodological Researches of Oleksiy V. Surilov and the Methodology of Jurespudence Improvement Problem. — Article.

The article examines the legacy of the famous theorist of law Aleksey Vasilyevich Surilov. Particular attention is paid to the value of his methodological developments to improve the methodology of jurisprudence, that is reflected in the works of a scientist, published in the Soviet's period, and influenced the development of post-Soviet theoretical jurisprudence.

Keywords: A.V. Surilov, the methodology of jurisprudence, the improvement the methodology, methods, methodological principles, the development of legal science.

УДК 340.12:141.132

Л. Н. Сумарокова

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ VS РАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Изменения, происходящие сегодня в методологии юриспруденции, обычно характеризуют как переход от классической методологии к неклассической. Но в чем состоит эта неклассичность? Для многих символом неклассичности стал постмодерн. Однако постмодерн — это лишь некоторая фаза радикальной и часто уничтожающей критики, прерыв, остановка в развитии, связанная с необходимостью пересмотра направления дальнейшего развития. А между тем сохранение самого развития юридической науки принципиально важно. Задерживаться на стадии постмодернистской «критики критической критики», которая либо поспешно заменяет принципы классической методологии противоположными, либо ограничивается их простым отрицанием, отбрасыванием, — равносильно саморазрушению юриспруденции и в ее теоретической, и в практической подсистемах.

Задачей настоящей статьи является анализ сложившейся ситуации на примере одной методологически важной категории — рациональности. Речь идет об отношении к человеческому разуму и к рациональности как его проявлениям в мышлении и поведении человека. В последнее время становятся привычными высказывания о «засилии рациональности» в юриспруденции, о том, что необходимо потеснить рациональные подходы в пользу внерациональных, надрациональных и даже иррациональных.

© Л. Н. Сумарокова, 2012

Рационализм, господствовавший в классической методологии, стал сначала подвергаться критике («критический рационализм»), а затем и вовсе отвергаться как общий метод. Это само по себе, по-видимому, закономерно, но только если при этом не ставится под удар рациональность как таковая вместе с ее важными характеристиками. Например, заметно меняется отношение к истине как ценности научного познания и правосознания: «Для юриста в любой сфере важна не столько истинность аргументов, сколько техника убеждения, корректность аргументов» [1, 135]. И далее: «Именно корректность и весомость аргументов, используемых юристом, являются залогом формирования и реализации его как профессионала» [1, 137]. Автор не поясняет, всегда ли и насколько можно игнорировать истинность аргументов при оценке их весомости в юридической аргументации. Чем может измеряться «весомость» ложного аргумента? Сам по себе пример достаточно локален, но в нем проявляется общая тенденция если не к отказу от рациональности, то к ее преимущественно «технологической», прагматически-инструментальной интерпретации. Это отождествление с инструментальностью сильно компрометирует саму рациональность. Ведь именно субъектоцентризм и техноцентризм — «главные особенности той технологической цивилизации ... которая подошла к пределам своего развития и встала перед необходимостью перехода в какое-то иное качество» [2, 18, 35]. Не предполагает ли это иное качество, о котором пишет В. В. Лекторский, отказа от рациональности?

Как утверждения о «засилии рациональности», так и попытки свести рациональность к «инструментальности» разума, с моей точки зрения, базируются на смешении ряда понятий:

Во-первых, на неразличении понятий «рациональность» и «рационализм»; во-вторых, на игнорировании различий между формами и уровнями рациональности и способами их осознания в те или иные периоды развития познания; в-третьих, на смешении, а то и отождествлении таких рядов противопоставлений, как: научное / практическое, рациональное / нерациональное, рациональное / иррациональное, рациональное / надрациональное.

Суть методологической концепции рационализма связана с представлением о достаточности для познания мира либо а) какого-то одного из проявлений разума: то ли теоретического, то ли практического; то ли дедуктивного, то ли индуктивного; то ли анализирующего, то ли синтезирующего; то ли собственно разума, то ли рассудка и т.п., либо б) разума, взятого изолированно от остальной части жизни мыслящего человека — от его чувств, эмоций, воли, различных форм бессознательного. Кроме того, рационализм игнорирует факт взаимодействия мышления с разнообразными универсальными смыслами культуры, со сферой высокой духовности. А между тем в действительности все перечисленные выше и иные составляющие сознания действуют одновременно и имеют ценность, только будучи связанными в единое целое. Какова роль разума в этом единстве? Разум — это значимый компонент в органической целостности человеческого сознания — не более того, но и не менее. Значимость разума обусловлена качеством и объемом выполняемых им функций, а не «привилегиями»,

априорно прийнятими в методології. Разум, з одної сторони, регулює і совершенствує все ціле і його елементи, а з другої — сам испытывает сильное влияние и этого целого, и его частей, сам меняется с изменением целого. Рационализм, почти отождествляющий разум и сознание, — историческое явление, которого еще не было в античной философии и которого уже нет во многих современных философских системах. Пик его расцвета — XVII в., а пик его возрождения — время позитивизма XIX–XX вв. Примерно это же время охватывают проявления рационализма в учениях о праве как некоторой господствующей методологии. Примеры преодоления методологии рационализма можно привести из области философии конца XIX — начала XX в., как раз из времени активного утверждения позитивизма. Один из этих примеров — философия Ч. С. Пирса, другой — философия права П. Д. Юркевича.

Чарльз Сандерс Пирс в своих знаменитых кэмбриджских лекциях назвал «несчастливым случаем» XIX в. отрыв методов философии от методов всех остальных наук вследствие «гегельянского высокомерия», своего рода гордыни отдельной философской системы. Пирс считает, что мышление в разных сферах познания должно обладать внутренней гармонией. Это касается отношения номологических и прикладных наук. Юриспруденцию в своей классификации он относит к прикладным наукам, в которых решение жизненно важных проблем предполагает опору на «наиболее глубокий и надежный отдел души» — инстинкт. Инстинктом Пирс называет чувство, родственное платоновской интеллектуальной интуиции, но способное к развитию и росту (хотя и медленному) под влиянием «внутренних и внешних впечатлений души» [3, 141–146]. С точки зрения Пирса, чувства формируются под сильным влиянием познания. Интуиция может руководить человеком без всякой помощи рассудка, а может, напротив, привести разрешение жизненного кризиса под рациональный контроль («здоровая человеческая натура действует обоими способами») [3, 136]. Способность к усвоению вечных идеальных форм с помощью математики и логики и способность подчиняться чувству не исключают друг друга; они дополнительные, но присущи личности как целому. Вот почему Пирса можно назвать защитником рациональности, представленной в математике, логике и в философии, но нельзя назвать защитником рационализма.

Будучи основоположником «философии сердца», Памфил Данилович Юркевич вместе с тем признавал как аксиому, не требующую доказательств, утверждение о разумности, рациональности права и человека как субъекта правовых отношений. Жить разумом для него — естественное право человека. «Всі закони права виходять з одного принципу — визнання інших людей як розумних істот» [4, 211]. Защита П. Д. Юркевичем разумности и права, и его субъектов не делает его рационалистом. Рациональность понятий и мышления как такового у него органически развивается, продолжается в надрациональную сферу духовного. Рациональное и надрациональное — ступени развития человеческого разума. «Поняття — то міцна основа, яка започатковує й творить дух» [4, 699]. Духовное, как видим, находит прочную основу в рациональном — понятийном мышлении.

Отказ от рационализма в методологии современной юриспруденции не умаляет, а, напротив, усиливает внимание к рациональности, к анализу и оценке ее структуры, разных форм и уровней, а также связей между ними. Кроме того, уточнения требуют вопросы, касающиеся трактовки реалий, обычно противопоставляемых рациональному, таких как чувства, эмоции, сфера надрационального (ценности, религиозные, культурные и иные императивы), бессознательное и т.д. Кратко остановимся на некоторых моментах уточнения структуры, форм и уровней рациональности. Представляется, что ошибочное, одностороннее понимание разума и его разнообразных функций снижает доверие к методологической значимости категории рациональности. Например, широко распространено противопоставление собственно разума и рассудка. Пренебрежительное отношение к рассудку как к низшей, примитивной по сравнению с разумом способности долгое время было характерно для многих мыслителей, в том числе и в марксизме. Исследования последних лет показали, что обыденное сознание как непосредственный результат жизненного опыта — это непрерывное сложное образование, своего рода стихия, дающая жизнь и подпитку всем видам мышления, переживания, чувств, ценностных ориентаций и т.п. Эта стихия не упорядочена, но задает направление любому порядку. В. В. Биbihин критикует П. Флоренского за утверждения: «Истина выше рассудка», «Истинная любовь (к Богу) — в отказе от рассудка». На обычный упрек в адрес рассудка — что он противоречив, теряется перед антиномиями, — В. В. Биbihин отвечает: именно рассудок способен видеть и фиксировать наличие противоречий, а это значит, что он обладает чувством целого: «В рассудке есть неким образом — причем опережающим образом, как самое раннее, предшествующее всему, — знание, что такое цельность, единство, нераскол, согласие» [5, 26]. «Трезвость велит не отбрасывать рассудок без крайней надобности... Мы не можем спорить с неопровержимой логикой рассудка... Разум в первую очередь — это опыт целого... Рассудку знание целого уже каким-то, пусть необъяснимым, образом дано» — уверен В. В. Биbihин [5, 29]. Это представление о ценности рассудка для разума, о более сложных формах взаимосвязи рассудка и разума (во многом необъяснимых для нас) весьма эвристично для разрешения спора о соотношении теоретического и практического разума, о соотношении, скажем, теории права и правосознания общества — при всем несовершенстве и противоречивости последнего. Юриспруденция профессионализируется — это неоспоримый факт. Но верно и другое — она не должна ограничиваться внутренней логикой своего развития, должна изучать процессы, происходящие в жизни и в правосознании общества. Одной из основных целей общетеоретической юриспруденции Ю. Н. Оборотов не случайно называет «формирование такого уровня правосознания, правовой культуры и правового мышления, который позволяет профессионально решать юридические дела и участвовать в разрешении социальных конфликтов» [6, 9]. Здесь речь идет о правовом сознании специалистов. Но именно уровень правового сознания юристов задает планку для правосознания общества. «Апологизация права и государства» в сознании специалистов должна «формировать в социальной среде

веру в право и справедливость государственной власти» [6, 12]. Признание права одной из высших ценностей проблематично в том обществе, где для юристов-профессионалов право — не высшая ценность, а лишь инструмент прагматически ориентированной деятельности. Здесь же лежат ответы на вопросе о языке права. Должны ли встретиться в прямом диалоге юрист-профессионал, владеющий специальными категориями теории права, и рядовой гражданин, правосознание которого, скорее всего, оперирует понятиями рассудка? Поймут ли они друг друга? Будет ли это одностороннее, снисходительное воздействие, направленное «сверху вниз», или тут возможен диалог на равных по всем правилам и нормам коммуникативной рациональности?

В 80-х гг. XIX в. Н. Я. Грот читал в Одессе публичную лекцию по философии о понятии прогресса и выразил идею о том, что по доминирующим чувствам и настроениям граждан, выраженным в их поведении, письмах, в поэзии, в других видах искусства, можно судить о том, развивается ли общество прогрессивно или нет. Точно также, думается, можно судить о реальном правосознании граждан (к перечню Н. Грота можно добавить виртуальное общение граждан). Если определенные мотивы, сюжеты, темы, выводы, связанные с правом, становятся массовыми, — они должны стать предметом изучения для правоведов. Говоря о реальном правосознании общества, нельзя обойти стороной то обстоятельство, что оно не помещается в рамки рационального. Значительное место занимают в нем чувства, эмоции, интуитивные оценки, призывы и т.п. Чувственно-эмоциональная сфера сознания традиционно противопоставляется рациональной сфере как внерациональная. Всегда ли оправдано такое противопоставление? Одно из существенных изменений, характерных для современной методологии гуманитарного знания, состоит в понимании дифференцированности и многообразия и разума, и чувства, в понимании варьирования значимости разных проявлений того и другого в разных ситуациях. При этом все большее внимание уделяется чувствам более высокого уровня, чем те, что связаны с ощущением, восприятием, представлением как формами непосредственного контакта с миром. Чувства более высокого уровня иногда называют социальными; но по сути они всегда остаются индивидуальными, хотя и являются результатом социального бытия человека. Если речь идет о правовых отношениях, то они сопровождаются такими чувствами субъектов права как чувство защищенности или незащищенности; чувство собственного достоинства или, напротив, чувство унижения; уважение к праву как таковому, к закону, к суду или неуважение, боязнь, враждебность, безразличие к ним и т.д. На самом высоком уровне находятся духовные чувства — такие как чувство справедливости, любовь к свободе, чувство ответственности, чувство готовности к свободе и связанной с ней ответственности и т.п. Особенность подобных чувств состоит в их разумности. В них разум и чувства взаимно проникают друг друга.

Право всегда рационально. Однако оно выросло из чувства справедливости. Именно внутреннее чувство справедливости, внутреннее убеждение судьи считаются решающим фактором при принятии окончательного решения суда. Раз-

витость (или неразвитость) таких чувств граждан как ответственность и долг, уважение к праву, сострадание, солидарность, доброта и т.п. влияют на самую возможность противоправного поведения. Любовь к праву как завоеванию общества и каждого отдельного гражданина относится к числу наиболее возвышенных человеческих чувств. А между тем наблюдатели со стороны (в данном случае американские ученые, изучавшие суды в СССР), приходят к выводу, что законы в этой стране «воспринимаются как свойство ландшафта, с которыми ничего нельзя поделаться», что «любовь к праву не естественна для россиян, даже для тех, кто изучает закон». «Благородство и творческий гений российского духа, — иронически заключает автор, — текут другими руслами» [цит. по: 7, 10–11]. Развитая духовность, столь характерная для русской культуры, на внешний взгляд, не включает в себя апологетику права, закона, суда. Американский исследователь объясняет это традиционным для россиян недостатком индивидуализма, рационализма и легализма, а также скромным местом права в марксизме. Если это и верно, то лишь отчасти. Знаменитое «что поделаешь?» по отношению к закону и суду появилось задолго до марксизма и связано с тем, что закон и в России, и в Украине нередко навязывался народу сверху или со стороны, без должной опоры на мировоззрение, на принятое в народном сознании чувство справедливости, а часто и вопреки ему. Отсюда появилось столь распространенное в нашей ментальности упование на Бога, на Божий суд. Здесь мы подходим к весьма важной области, в которой пересекаются и взаимодействуют между собой разум и чувства, разум и рассудок, рациональное и иррациональное, — это духовное бытие человека. О духовности говорят много. Она часто противопоставляется науке, разуму и рациональности; отсюда поиски спасения в религии как неоспоримом оплоте духовности, в традициях, в обычаях, в искусстве, в увлечениях, не связанных с официальной работой. Всё это молчаливо отделяется от сферы рационального и противопоставляется ей. В этом заключена большая ошибка. Дух, как отмечал П. Юркевич, существенно опирается на достижения понятийного мышления и уже поэтому не может быть враждебен разуму. Мудрость духа необходимо предполагает способность адекватно использовать и знания, и мышление в процессе решения практических проблем. Обязательность включенности разума в духовную сферу подтверждается и опытом религии, и опытом искусства, и опытом культуры в целом. Например, понятие истины уже давно стало концептом культуры, общим для науки, религии, искусства, обыденного сознания. Является это понятие и концептом юриспруденции. Сам термин «концепт» все чаще перестает быть синонимом термина «понятие» и берет на себя функции приобщения познания и практики к сфере духовной жизни человека. Концепт — это такой устойчивый смысл, принятый в языке и в культуре, говорящей на этом языке, который признан своего рода опорной точкой при понимании соответствующей сферы жизни и при преодолении разнообразных жизненных трудностей.

Ю. С. Степанов понимает концепты науки как «понятия, расширенные в результате всей современной научной ситуации» [8, 19]. Соответственно, кон-

цепты юриспруденции можно было бы считать понятиями, расширенными в результате всей ситуации, в которой современная юриспруденция находится. Ю. С. Степанов подчеркивает, что понятие «определяется», концепт же — «переживается» [8, 20]. Концепт, с одной стороны, индивидуален, должен быть принят данным Я, а с другой — всегда является результатом межиндивидуальной коммуникации, т.е. интерсубъективен. Концепт всегда «минимизирован», отсюда большая спрессованность, «свернутость» смысла концепта.

Подводя итог, отметим, что современное понимание рациональности противостоит рационализму как варианту методологии по многим позициям, касающимся как понимания самого разума, так и понимания его соотношения с внерациональными компонентами сознания.

Разум и рассудок. Их противопоставление основано на упрощенной, двухслойной модели рациональности. На самом деле разум в своем формировании проходит много ступеней, что привело к появлению большого количества форм рациональности — от простейших предметно-двигательных до категорий, принципов и концептов. Все они образуют сложное единство человеческого разума и не имеют смысла друг без друга.

Разум и чувства. Жесткие демаркации между ними невозможны: высшие, «социальные» чувства человека разумны, а высшие формы понятийного мышления, в свою очередь, экспрессивно окрашены, индивидуально переживаются. Противопоставлять разум и чувства невозможно уже потому, что любая знаковая структура, используемая разумом, неустранимо содержит в своем смысле экспрессивную составляющую, как в свое время показал Э. Кассирер.

Рациональность и духовность. Считать духовность внерациональной или, тем более, нерациональной или иррациональной, было бы огромной ошибкой. К такому выводу приходят исследователи религии, искусства, науки, обыденного сознания, а также специалисты в области культурологии. Есть универсальные концепты культуры, которые укоренены во всех сферах деятельности человека именно потому, что субъектом деятельности выступает целостный человек.

Какие выводы отсюда следуют для методологии современной юриспруденции? Для нас очевиден, по крайней мере, один: от центрированности на знании-образе, на знании-методе, на знании о ценностях, на знании о нормах и процедурах пора переходить к более полным, сбалансированным моделям методологии. В этой связи представляется весьма перспективным такой методологический подход, который направлен не только на «парадигмы», «эпистемы», «исследовательские программы», но и на исследование «глубинной семантики» теоретических и практических проектов [9, 48–51]. «Глубинные смыслы» современной юриспруденции — это, по М. В. Поповичу, те смыслы, которые остаются неизменными при переводе с языков теории права на языки практического применения права, или на языки обыденного сознания людей, поведение которых регулируется правом. Эти «глубинные смыслы» близки к категориям и принципам права, а еще ближе — к концептам, «схватывающим» и знания, и действия, и шкалу ценностей, целей в праве как целостности.

Литература

1. Касьянич А. И. Особенности юридической аргументации: теоретико-методологический аспект // Современная логика : материалы X общерос. науч. конф. — СПб, 2008. — С. 134–137.
2. Лекторский В. В. Эпистемология классическая и неклассическая / В. В. Лекторский. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
3. Пирс Ч. С. Рассуждения и логика вещей / Ч. С. Пирс. — М. : РГГУ, 2005. — 371 с.
4. Юркевич П. Д. Історія філософії права ; Філософія права ; Філософський щоденник / П. Д. Юркевич. — К. : Ред. журн. «Український світ», 1999. — 756 с.
5. Бибахин В. В. Внутренняя форма слова / В. В. Бибахин. — СПб. : Наука, 2008. — 420 с.
6. Оборотов Ю. Н. Общетеоретическая юриспруденция как наука и учебная дисциплина // Общетеоретическая юриспруденция : учеб. курс. — О. : Феникс, 2011. — С. 5–13.
7. Фуллер Лон. Л. Анатомия права / Лон. Л. Фуллер. — К. : Сфера, 2004. — 144 с.
8. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. — М. : Языки славянских культур, 2007. — 248 с.
9. Попович М. Бути людиною / М. Попович. — К. : Вид. Дім «Киево-Могилянська академія», 2011. — 223 с.

Аннотация

Сумарокова Л. Н. Рациональность vs рационализм в современной методологии юриспруденции. — Статья.

Автор критикует точку зрения о «засилии рациональности» в современной юриспруденции, как основанную на смешении понятий рациональности и рационализма. Отвержение рационализма как методологической позиции не исключает, а, напротив, предполагает внимание к рациональности права и юриспруденции, к анализу соотношения разума и рассудка, разума и чувства, рациональности и духовности в правосознании общества.

Ключевые слова: рационализм, рациональность, правосознание, концепт.

Анотація

Сумарокова Л. М. Раціональність vs раціоналізм у сучасній методології юриспруденції. — Стаття.

Автор критикує точку зору про «засилля раціональності» у сучасній юриспруденції, як ту, що ґрунтується на змішуванні понять раціональності та раціоналізму. Неприйняття раціоналізму як методологічної позиції не виключає, а, навпаки, передбачає увагу до раціональності права і юриспруденції, до аналізу співвідношення розуму та розсудку, розуму та почуття, раціональності та духовності у правосвідомості суспільства.

Ключові слова: раціоналізм, раціональність, правосвідомість, концепт.

Summary

Sumarokova L. N. Rationalism vs rationality in the modern methodology of jurisprudence. — Article.

The author criticizes the point of view about the large quantity of rationality in the modern jurisprudence because of its foundation on non-differentiation of concepts rationality and rationalism. Rejection of rationalism as methodological position not excludes but assumes attention to rationality of law and jurisprudence, to analysis of correlation of mind and consciousness, mind and sense, rationality and spirituality in the legal mentality of society.

Keywords: rationalism, rationality, legal mentality, concept.